

С.Ю. АНИСИМОВА, Т.В. БОРИСОВА

**ФИЛОСОФСКИЙ ДИАЛОГ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ:
М. ХАЛЬБВАКС – П. РИКЁР**

В статье анализируется проблематика исторической памяти через призму диалога М. Хальбвакса и П. Рикёра. Акцентируется значение философских взглядов М. Хальбвакса в исследовании исторической памяти и её динамике, подчёркивается «критическая миссия» П. Рикёра в отношении трудов М. Хальбвакса.

Ключевые слова: философия истории, историческая память, коллективная память, социальные рамки памяти

Анисимова Светлана Юрьевна - очный аспирант кафедры философии, Самарский государственный технический университет. E-mail: anisimova.svietlana@mail.ru

Борисова Татьяна Владимовна - профессор кафедры философии, Самарский государственный технический университет. E-mail: borisovatva@yandex.ru

S.J. ANISIMOVA, T.V. BORISOVA

**PHILOSOPHICAL DIALOGUE ON SOCIAL MEMORY:
M. HALBWACHS – P. RICOEUR**

The article analyzes the problems of historical memory through the prism of the dialogue of M. Halbwachs and P. Ricoeur. The authors emphasize the value of philosophical views of M. Halbwachs in the study of historical memory and its dynamics, as well as the “critical mission” of P. Ricoeur in respect of works of M. Halbwachs.

Keywords: philosophy of history, historical memory, collective memory, social frameworks of memory

Anisimova Svetlana Jurievna - postgraduate student at the Department of Philosophy, Samara State Technical University. E-mail: anisimova.sviellana@mail.ru

Borisova Tatiana Vadimovna - professor at the Department of Philosophy, Samara State Technical University. E-mail: borisovatva@yandex.ru

Учитывая современное состояние общества, философские экспансии, направленные на различие интерпретаций одних и тех же исторических событий, становится ясно, что проблематика исторической памяти не только актуальна, но и выносится на передний план философских, геополитических и исторических столкновений и в теории, и в общественных практиках. В данном ракурсе работы Мориса Хальбвакса «Социальные рамки памяти» [5] и «Коллективная память» [6] представляют не только философский, но и прикладной интерес. Философский проект коллективной памяти рассматривается М. Хальбваксом в рамках феноменологической социологии, где автор тематизирует значимость психологического и религиозного аспекта в динамике исторической памяти. В данном ракурсе прослеживается философский диалог между двумя значимыми мыслителями работающими по феноменологической проблематике: М. Хальбваксом и П. Рикёром, который изложил собственное понимание памяти в известной работе «Память, история, забвение» [4]. Если тру-

ды П. Рикёра как представителя феноменологической герменевтики всем известны, то имя М. Хальбвакса до сегодняшнего времени было известно только узким специалистам. Поэтому, прежде чем обратимся к его трудам, охарактеризуем личность М. Хальбвакса. Морис Хальбвакс родился в 1877 году. Уже до Первой мировой войны он занял одно из видных мест во французской социологической школе, основанной Эмилем Дюркгеймом. Его известные крупные работы «Экспроприация и цена земельных участков в Париже (1800-1900)» (1909), «Рабочий класс и уровни жизни» (1912). Во время войны служил в аппарате правительства, занимаясь организацией оборонного производства. После войны получил пост профессора в Страсбургском университете.

В 1925 году выпустил в свет монографию «Социальные рамки памяти». В последующие десятилетия он активно интересовался проблемами коллективной памяти. В 1941 году вышел в свет его труд «Легендарная евангельская топография в святой земле». После Второй мировой войны была издана его книга «Коллектив-

ная память». Сам М. Хальбвакс не дожил до этого момента. Он умер в концлагере Бухенвальд в марте 1945 года, куда был заключён за свои антифашистские взгляды и связь с Сопротивлением.

Анализируя коллективную память, М. Хальбвакс акцентирует внимание на её стержневой основе – это семья и её традиции. М. Хальбвакс говорит о том, что на протяжении всей своей жизни мы находимся в семье, поэтому «В каждой семье присутствует, развивается свой собственный дух, потому что она обладает традициями, принадлежащими только ей одной. Память хранит воспоминания не только об отношениях родства, соединяющих её членов, но и о событиях и лицах, оставивших след в её истории. Семья – это как бы виды одного рода, и, поскольку общие верования общества доходят до членов семей через посредство тех из них, кто наиболее непосредственно замешан во внешней жизни коллектива, то эти верования могут либо приспособливаться к семейным традициям, либо, наоборот, трансформировать их» [5, с. 208]. Автор считает, что семейная память эволюционно включена и сосуществует с религиозной памятью. М. Хальбвакс констатирует: «Древняя история народов, живущих в их преданиях, всецело проникнута религиозными идеями. А с другой стороны, о любой религии можно сказать, что она в более или менее символических формах воспроизводит историю миграций и слияний рас и народностей, историю тех великих событий – войн учреждений, изобретений и реформ, которые можно найти у истоков практикующих её обществ» [5, с. 119].

По мнению Хальбвакса в религии следует различать обряды и верования. Обряды – это совокупность жестов, слов, литургических предметов, зафиксированных в своей материальной форме. Например, священные тексты. Они носят обрядовый характер и с самого начала не изменялись. Их повторяют в ходе ритуалов, и они тесно связаны с богослужением. Обрядность – это наиболее устойчивый элемент религии, т.к. она сводится к постоянно воспроизводимым материальным операциям, единообразию которых во времени и пространстве поддерживается богослужёнными книгами и телами священников. «Вероятно, изначально обряды, например, праздник Пасхи у евреев или причастие у христиан, отвечали потребности поминовения достопамятных религиозных событий. В раннюю эпоху верующие, отправляя обряд, понимали его первоначальный смысл, т.е. хранили непосредственную память о событии, кото-

рое в нём воссоздавалось; в такой момент обряды и верования совпадали или, во всяком случае, находились в тесном взаимодействии. Можно допустить, что по мере удаления от истоков главные черты обряда сохраняются в первоначальном виде. Конечно, поскольку в то время христианское общество распалось на различные местные общины, поскольку оно разрослось благодаря включению новых групп, сохранявших и вносящих в него и часть своих обычаев, то сначала даже и в этой области многое передельвалось и контаминировалось. Но все же, как только обряды были унифицированы и зафиксированы для всей церкви, в них старались ничего больше не менять. Так же и с текстами: после некоторого периода зыбкости и неопределённости церковная власть установила перечень канонических текстов, к которым она больше ничего не прибавляла и из которых ничего не изымала. Зато иначе обстояло дело с верованиями, которыми истолковывались эти обряды. Часть воспоминаний религиозной истории довольно быстро изгладилась и утратилась. Оставшиеся были, конечно, связаны с обрядами и текстами, но не были достаточны для их объяснения. Поскольку смысл форм и формул оказалась отчасти забыт, пришлось их толковать: так родилась догматика. Конечно, у церкви, по крайней мере, сначала была традиция, обеспечивавшая непрерывную преемственность между её мыслью в прошлом и настоящем. Но поскольку религиозная группа, даже и противопоставляя себя мирскому обществу, всё-таки остаётся с ним солидарной, то и богословие в каждую эпоху исходит из диалектики, отчасти обусловленной временем. Размышления над догматами не могли изолироваться от других видов рефлексии; а между тем светская мысль эволюционировала вместе со светскими институтами, религиозная догматика эволюционировала медленнее и не столь заметно, но, попав на этот склон, она уже не могла не скользить по нему. Таким образом, догматы представляют собой результат наложения и слияния ряда пластов или срезов коллективной мысли, они рациональны, но в том смысле, что на них отпечатался разум каждой эпохи, то есть богословская мысль проецирует в прошлое, на первоисточники обрядов и текстов, свои последовательно сменяемые воззрения. Она перестраивает здание религиозных истин по нескольким планам и сливается согласовать их между собой, как будто бы она работала лишь по одному плану, который она приписывает основоположникам своего культа и авторам своих фундаментальных пи-

саний. Однако обряды и тексты не только ставят проблемы рациональной интерпретации. Фактически при каждой такой интерпретации они ещё и отдаляются от изначального смысла, а, значит, утрачивают контакт с первоначальными воспоминаниями, какими они могли существовать в сознании людей того времени. Религиозное чувство, возникающее у человека при соотнесении себя с Христом и апостолами при непосредственном созерцании их личности и их жизни, на деле заменяется системой понятий, основанных только на авторитете церкви. Конечно, церковь не заставляет клириков и верующих, читая тексты или участвуя в обрядах, ограничиваться одними лишь пояснениями, которые она им даёт на сей счёт. Наоборот, она поощряет их приближаться к богу через порывы веры и благоговения, но она почти не даёт им действительных правил и советов на сей счёт – только самые общие предписания в силу своего коллективного в человеческом мышлении, то есть к понятиям и идеям. Поэтому в христианстве, как и во всех других религиях, некоторые более узкие группы почти в каждую эпоху ощущают потребность приобщиться к формам более интенсивной религиозной жизни, где отводилось бы больше места чувству» [5, с. 263].

В целом, заключает М. Хальбвакс, религиозная память подчиняется общим законам, что и любая коллективная память. Она не хранит, а лишь реконструирует прошлое с помощью оставшихся от него материальных следов, обрядов, текстов, которые включаясь в настоящее становятся хранителями как прошлого, так и конституирующего настоящего. Известно и мы благодарны М. Хальбваксу за то, что именно в его трудах впервые систематизируется концепт «Историческая память» и вводится в обиход термин «социальные рамки памяти», хотя чёткие содержательные критерии данного концепта не раскрываются. И вдруг неожиданно он проводит различие между коллективной памятью и памятью исторической в своей работе «Коллективная память». Хотя раньше М. Хальбвакс рассматривал отношения между индивидуальной памятью и коллективной. На этот философский взрыв обращает внимание П. Рикёр в своей работе «Память, история, забвение» – так начинается философский диалог идей. Подробно анализируя взгляды М. Хальбвакса, Поль Рикёр подчёркивает, что то различие между коллективной и исторической памятью, которое проводит М. Хальбвакс, не совсем корректно, т.к. существуют затруднения при проведении границ историче-

ской дисциплины и проявляются несогласия в крайних точках дисциплинарного разделения. П. Рикёр развивает своё обоснование исторической памяти как разновидности социальной памяти в работе «Память, история, забвение» [4]. Но в целом П. Рикёр позитивно оценивает работы М. Хальбвакса: «Мы признательны Морису Хальбваксу за его смелое решение приписать память непосредственно коллективной сущности, которую он называет группой или обществом. Известно, что ещё до опубликования «Коллективной памяти» он ввёл в обиход термин «социальные рамки памяти». Тогда он был чистым социологом и шёл по стопам Эмиля Дюркгейма, говоря о памяти в третьем лице и признавая за ней структуры, доступные объективному наблюдению. Решительный шаг, сделанный в «Коллективной памяти», состоит в том, что в ней при исследовании работы личной памяти, направленной на вызывание воспоминаний, исключается ссылка на коллективную память» [4, с. 168].

М. Хальбвакс дал тему для размышлений многим учёным XX столетия: Р. Арону, П. Рикёру, Ф.Р. Анкерсмиту, Я. Ассману, П. Хаттону, Д. Лоуэнтелю, Ж. ле Гоффу, Ф. Арьесу. В отечественной философии данной проблематикой занимаются многие российские учёные: А.В. Гулыга, Б.А. Грушин, Н.П. Французова, В.С. Библер, Ю.В. Петров, О.В. Герасимов, а так же представители саратовской философской школы В.Б. Устьянцев, Н.С. Шаповалова и др. Таким образом, в историческую память включены внутренние механизмы, которые позволяют нам осмыслить событие и соотнести его с нашей иерархией ценностей прошлого. И, конечно, самая главная составляющая – это основание будущего. Ведь человеческим сообществам историческая память нужна для эффективного движения в будущее.

Список литературы

1. Герасимов О.В. Историческая память как память культуры // Россия и Европа: связь культуры и экономики: Материалы II международной научно-практической конференции. – Praha: World Press s.r.o., 2012, 15 февраля. – Ч. 3. – с. 184-189.
2. История и память / Под ред. Л.П. Репиной. – М.: Круть, 2006. – 762 с.
3. Карсавин Л.П. Философия истории. – СПб., 1993.
4. Рикёр П. Память, история, забвение / Пер. с франц. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004 (Французская философия XX). – 728 с.
5. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М.: Новое издательство, 2007.
6. Halbwachs M. La memorie collective / Nouvelle edition revue et augmentee. – Paris: Albin Michel, 1997.